

И.Г.Яковенко

СДВИГИ В ВОСПРИЯТИИ ОБРАЗА ЗАПАДА (90-е ГОДЫ)

Исследования отношений России с окружающим миром стали динамичной областью гуманитарного знания. В рамках этого проблемного поля лежит изменение представлений о Западе в отечественной культуре. Интересующие нас процессы изучены, начиная с XV в., когда Московия только-только приоткрылась внешнему миру. Однако хронологически близкие времена, как правило, выпадают из поля зрения историков. Исследовательский интерес замирает на исходе советского периода, что естественно: ведь современность – поле сиюминутной публицистики и оперативной аналитики. Для того, чтобы стать материалом исторического осмысления, события должны «отстояться».

Между тем в прошедшем десятилетии произошли качественные перемены, требующие осознания. Мы наблюдаем сложную и драматичную диалектику процесса вестернизации и антивестернизации, включения в глобальные контекст и самоизоляции, борьбы противоположных идентичностей – евроатлантической и евразийской. Начался болезненный этап нового самоопределения России в мире, беспрецедентная и устойчивая мозаика экономических, социокультурных, информационных факторов формирует незнакомый прежде образ Запада.

Изменение статуса Запада в отечественной культуре можно описать как вестернизацию. Однако вестернизация имеет два уровня – вне- или дорефлективный и рефлексивно-идеологический. Дорефлективный, или уровень самоорганизации социокультурного целого, – это уровень естественных процессов, вырастающих из органики новых экономических отношений, культурных выборов и предпочтений. Предпочтений вне идеологических оценок. Речь идет о том, что происходит как бы само собой и отвечает слабоосознанным установкам основной массы общества.

На другом – рефлексивно-идеологическом – уровне происходящее оценивается с позиции традиционных для страны критериев, ценностей, цивилизационных идентичностей и стереотипов восприятия. Второй уровень – идеологическая (ценностная) коррекция стихийных процессов саморегуляции. И вот эти уровни в сегодняшней российской реальности резко расходятся по своим векторам, образуя ножницы.

Проанализируем вестернизацию как стихийный процесс. Истоки ее – в эпохе перестройки. В период 1987–1991 гг. кардинально изменилось освещение темы Запада, возникло новое качество информа-

ционной вовлеченности гражданина СССР в общемировой контекст. Масс-медиа с энтузиазмом развенчивали советские мифы о «капиталистическом обществе». Латентное западничество значительной части политической и административной элиты, научной и творческой интеллигенции, спрятанное под прессом «советского патриотизма», вырвалось наружу. Рутинное воспроизводство давно обанкротившегося казенного антимифа сменилось апологетикой мифа о Западе как об обществе свободы и изобилия.

1990–1994 гг. – первая волна массовых выездов российских граждан за рубеж. Сначала поехали жители приграничных районов и коммерсанты из крупных городов. Свободное хождение доллара, «челноки», оптовые рынки и барахолки становятся реалиями нашей жизни. Румыния, Польша, Чехословакия, Турция, Китай осваиваются как источники предметов широкого потребления и рынок для некоторых отечественных товаров. Вместе с ушедшей эпохой в прошлое уходит и советская «Березка».

Здесь надо сделать отступление. В массовом сознании существует такая достаточно синкретическая категория, как «заграница». Статус этого понятия связан с самоизоляцией страны. Поэтому собственно Запад часто сливается с заграницей и слабо дифференцируется. Массовое сознание относит к Западу все те феномены, которые заданы евроатлантической цивилизацией – ее культурными стандартами, эстетикой, внутренней логикой, где бы они не реализовывались. Японские автомобили и южнокорейские компьютеры выступают знаками Запада.

Вернемся к исследуемому сюжету. К 1994 г. выезд за границу радикально демократизируется, исчезает особая, аристократическая категория советского общества: люди, «приблизженные к загранице». Работа за рубежом, частые командировки «туда» были одной из самых вожделенных привилегий позднесоветского общества. Перестает быть экстраординарным событием и сам факт выезда за рубеж. С середины 90-х годов разворачивается массовый зарубежный туризм. Турция, Кипр, Греция, Египет становятся доступными растущему среднему классу. Что же касается людей бизнеса, то для них зарубежные поездки превращаются в норму. Обычным считаются две-три поездки в год, что позволяет за несколько лет объехать всю Европу и Средиземноморье. На дружеских встречах и семейных вечеринках живо обсуждаются свежие впечатления от итальянских пляжей и испанской кухни.

Мотивы выезда за рубеж не исчерпываются шоптурами и туризмом. Многие уезжают на заработки. Заключают контракты, находят сезонную работу в США и Европе. Часто остаются сверх срока, работают нелегально. В русском языке появляются такие понятия, как «ббиситер» и «двубедренная квартира» (полукалька от two bedroom-s flat).

В 90-е годы кардинально меняется статус английского языка. Множество высокооплачиваемых должностей требует свободного

владения им. Бизнесмены и руководители высокого уровня, так же как и масса выезжающих за рубеж «челноков», сезонных рабочих, довольно быстро осваивают бытовую английский. Владение иностранным языком демократизируется, перестает быть привилегией выпускников спецшкол и престижных институтов. В русский язык вбрасывается огромный массив англоязычных заимствований. Мощь этого вброса соизмерима с трансформацией языка в эпоху Петра I.

Иногда английский вытесняет заимствования из других европейских языков. Так, в последнее время заемный французский «прейскурант» сменился на простой русский «прайс-лист». В язык входят целые пласты понятий из сферы банковского бизнеса, экономики, политики, компьютеров, Интернета и т.д. Английский внедряется даже в сферу ненормативной лексики. Утверждаются такие кальки с английского, как «эта страна» и т.д.

Дело не ограничивается лексикой. На наших глазах отмирает категория отчества и утверждается общеевропейское именование по имени и фамилии. Отчество остается для личного обращения к самым пожилым и наиболее уважаемым людям. По существу, эта смена норм свидетельствует не более, но и не менее, чем о конце родового и патерналистского сознания. В прошлое отходит традиционная иерархия написания адреса на письме, где позиции: страна, город, улица, номер дома и фамилия адресата шли по нисходящей. На конвертах нового образца реализован общемировой стандарт, в котором первенствует имя адресата. И это не техническая замена, это смена модели социального космоса. Отныне отдельный автономный человек первенствует над номинациями социальных общностей.

В России западнические ориентации концентрируются в столицах – Москве и Санкт-Петербурге. Эти города оказались внутренне готовы принять цивилизационную альтернативу, символы и ценности Запада. В качестве общегражданского праздника как-то незаметно утверждается западный Christmas (не путать с православным Рождеством). Патриархальный (и, добавим, языческий) Дед Мороз все более обретает черты Санта Клауса. Мы отмечаем день Святого Валентина, Хелоуин, даже день Святого Патрика. Между тем, как свидетельствуют специалисты, стандарты потребления, образ жизни, а значит и культурные ориентации столицы примерно через 12 лет закрепляются в «миллионниках» (городах с населением в миллион человек), через 25 – в городах с населением от 250 до 500 тысяч.

Новая архитектура и вообще зрительный образ городской среды создаются по образцам Запада. Непременные мансарды, арки, элементы эстетики модерна, зеркальные окна городских зданий. Не менее выразительна новая архитектура пригорода. Виллы – красный кирпич, башни и кампанилы, немецкие (голландские) силуэты, непрменные камин и сауна, бассейн – у самых богатых. Разительна транс-

формация зрительного облика городов – вывески и реклама, архитектура малых форм, остановки троллейбусов, мостовые, водостоки, вечерняя подсветка зданий, телевизионные камеры службы безопасности. Все это «оттуда».

Не менее значимо распределение латиницы и кириллицы в городе. Известно, что центр воплощает сакральные смыслы; по мере движения к периферии городского пространства сакральность убывает. В этом отношении диспозиция относительно центра свидетельствует о заданности культурного феномена. В центре наших городов латиница широко и обильно представлена в названиях, прекрасно оформленной рекламе, световой и изобразительной, поясняющих текстах. Причем по мере движения от центра количество текстов с использованием латиницы убывает, а на периферии кириллица доминирует полностью. В сознании обывателя утверждается связь латиницы с центром – то есть с праздником, радостью, с чем-то высоким, настоящим. Кириллица оказывается связанной с обыденным, второсортным. Отметим, что меры муниципальных властей, пытавшихся поломать эту тенденцию, не срабатывают.

Еще одно наблюдение. Названия, отсылающие к дореволюционной российской традиции, такие, как «трактир», «корчма», «пивная» и др., крайне редки, в то время как ассоциирующиеся с Западом, например, супермаркет и стрипбар, явно доминируют.

Кардинальным образом изменилась структура телевидения. Множество телеканалов транслирует около 10 фильмов в день, из которых две трети – демонстрируемые впервые западные, чаще всего американские фильмы массовых жанров. Появились новые передачи, построенные по образцам зарубежных. Советская эстрада с ее допотопной эстетикой и буколической тематикой отошла в прошлое; доминирует эстетика клипа. Патриархальная назидательность комментариев советской эпохи сменилась агрессивной заданностью сегодняшних комментаторов.

Описываемые изменения происходят на фоне революции в информационных технологиях. Такие реалии, как видеомэгафон, сотовый телефон, компьютер, пейджер, магнитные карточки, Интернет, удобны, функциональны, престижны, вписывают человека в сегодняшнюю реальность, но знаково – они западные.

Меняются не только стиль жизни и образ культуры. Трансформация идет глубже знаково-символического уровня; изменяется система ценностей. В культуре действует универсальное правило: культурный статус некоторой реалии связан с мерой ее разработки, упорядоченности и выделенности. Это касается как мира идей, так и овеществленных сущностей. Сакральное всегда выше обыденного и тем выделено, оно лучше, эстетически совершеннее, более трудо- и ресурсоемко. В новом формирующемся на наших глазах культурном пространстве сфера приватной жизни, рынок, акт купли-продажи, мир отдыха и развлечений обретают высший цен-

ностный статус. Все это знаменует полный разрыв с аскезой советского образа жизни и фиксирует принятие альтернативных, западных ценностей.

В СССР подавляющее большинство трудоспособного населения работало в сфере производства. Сфера обращения была предельно минимизирована, что соответствовало архаическому крестьянскому сознанию, в котором «правильный», настоящий труд есть производство осязаемых, материальных предметов. За последние годы десятки миллионов бывших рабочих, инженеров и конструкторов ушли в сферу торговли и услуг, и это – революционное преобразование. От жизни, заполненной производством ради производства, от создания ракет и блюмингов, олицетворявших величие Державы, ценностно несопоставимой с маленьким человеком, россияне перешли к работе для этого самого человека. Задача – его насытить, ублажить, исполнить все возможные и невозможные прихоти и желания. Причем, критерий успеха определяет не сакральное начальство, а потребитель, голосующий своим рублем. Эта глубочайшая культурная революция фиксирует движение общества на Запад.

Надо сказать, что в некотором отношении советское общество жило по правилам большой деревни. Подлинно значимой осознавалась сфера производства, а сфера экономических отношений была минимизирована и маргинализирована. Такие реалии, как деньги, кредитование, банки, считались не очень понятными и сугубо второстепенными, подлежащими снятию в эсхатологической перспективе, где государство возьмет на себя организацию производства и распределения вне денег и любых форм обмена, используя чисто административные процедуры. Не менее маргинальный статус имела сфера права.

Сегодня собственно экономические отношения, банковский бизнес, кредитная политика, макроэкономика осознаны как важнейшие в жизни общества. Из социально ничего не значащей группы экономисты и банкиры превратились в высокопрестижную и влиятельную страту. Столь же резко вырос статус права. И эти перемены в общественном сознании означают революционный сдвиг в сторону Запада.

От процессов более или менее сиюминутных можно обратиться к факторам долгосрочного характера. В России появляется достаточно широкий слой людей, устойчиво вписанных в общемировой контекст, – по образу жизни, дружеским и родственным связям. Не только культурные и экзистенциальные ориентации, но и финансовые, социальные интересы этого слоя общества диктуют включенность России в Европу. Любые формы изоляции страны ударят по названной нами страте, общественный вес и меру влияния которой трудно переоценить.

Круг тех, кто получает образование за рубежом, сравнительно узок, но социальный статус этих молодых людей и наследуемые ими

возможности исключительно высоки. В перестройке активно участвовало поколение детей интеллектуальной и политической элиты, окончившее советские спецшколы и престижные вузы. Мера включенности новой генерации потомков российской элиты в общеевропейский контекст неизмеримо выше. За последние 10 лет в России и за ее рубежами родились сотни тысяч детей в смешанных браках, значительная часть из них впишется в российскую реальность, станет одним из факторов будущего.

Отдельно следует сказать о демифологизации Запада. В советский период иностранец и заграница были сказочными сущностями. Провинциал мог увидеть живого иностранца в окне интуристовского автобуса или возле памятника архитектуры в обществе переводчицы. Они были недоступны: жили в престижных гостиницах, куда «совка» не пускали, окружались казенным вниманием, вели себя свободно и раскованно, говорили «по-ихнему». Иностранец был облачен в вожделенные западные тряпки, у себя дома смотрел фильмы, которые нашему гражданину не показывали, читал книги, ему не доступные, ездил в страны, им не виданные, носил в своем бумажнике валюту, за прикосновение к которой советский человек мог получить срок. Над иностранцем витала аура сакрального, которое всегда амбивалентно – и пугает, и притягивает одновременно. Он был частью профанируемого идеологией, но сакрализуемого народной мифологией Запада. Свободно общаться с иностранцами могли специальные, отобранные и допущенные к этому люди. Между советским человеком и иностранцем пролегал Рубикон. Еще в 70-е годы отъезд на постоянное место жительства за рубеж воспринимался как дорога на тот свет. Люди уезжали туда, откуда не возвращаются. С ними прощались навсегда.

Все это рухнуло. Смешанные браки, работа в совместных предприятиях и за границей, жизнь по соседству создают совершенно иной контекст. Он противостоит как советскому антимифу, так и народному мифу: Запад – невиданная страна, в которой живут счастливые богачи. В первой же поездке за рубеж россиянин уясняет, что там абсолютно за все надо платить. Платить в буквальном смысле, наличными. Прелести западной жизни покупаются не по праву происхождения или владения волшебным заклинанием, а трудом и выдаются строго в соответствии с заработанным. Запад становится будничным и утрачивает сказочные коннотации.

В сознании советского человека «нашему» миру тотального дефицита противостоял мир немислимого изобилия, когда в любом магазине есть все, чего только могла пожелать несчастная, задерганная жизнью и измученная очередями душа. Эта оппозиция пустых полок и всеобщего достатка переводила реальное различие России и Запада в ранг мифологической антиномии тусклого дольного мира и брейгелевской «Страны дураков». Запад выступал в образе пространства вечного праздника, ибо архетипическая связь праздника,

идеального бытия, плебейского рая с идеей изобилия носит фундаментальный характер.

За последние годы наши города и магазины преобразились. В них можно найти все, о чем мечтал среднесоветский человек. Как только это случилось, россиянин уяснил, что полные прилавки проблемы не снимают. Оказывается, пропагандисты прошлого говорили чистую правду – мало изобилия товаров, нужны деньги. Так изживаются мифы детства, а им на смену приходит грустная мудрость взрослого человека.

В разных группах и слоях общества живет мифологическая антиномия наличного (нетерпимого) сущего и вожеленного (идеального) должного. Взыскав должного и стараясь отринуть сущее, традиционно мыслящий человек часто помещает должное в некое отдаленное пространство. В сакральное прошлое (Атлантида), в трансцендентную даль (Беловодье, Пенлай, Шамбала). Антитеза Россия – Запад не избежала конструкции должное – сущее. Обыватель видел в Западе счастливый мир изобилия, интеллигент – мир духовной свободы, западник – идеальную альтернативу России. По мере знакомства с реальностью оказалось, что эмпирический Запад не отвечает ожиданиям, вырастающим из мифологии. Мало того, российский традиционалист обнаружил, что на Западе средневековая идея должного умерла, и отвернулся от него как от плоского, погрязшего в сиюминутном, пошлого мира. Мифы умирают тяжело, в муках разочарований и идеологических метаний, шараханий от идеализации к убеждению в том, что только у нас, где жива еще тяга к должному, однажды можно будет построить «правильное» общество. Так формируется идеология третьего пути.

Специально следует рассмотреть тенденции, сдерживающие движение России на Запад и объективно противостоящие евроатлантической цивилизации. В последние годы в отечественной культуре, в сфере общественных настроений отчетливо фиксируются процессы, вектор которых отличается или прямо противостоит движению в сторону Запада. И эти процессы, безусловно, корректируют образ Запада, связанные с ним идеалы, нормы и ценности, меняют его место в системе мифов и представлений.

Проявлений этих тенденций много. Одно из них – ностальгическая эстетизация советского опыта. Знаковым для этой линии развития современной массовой культуры является фильм «Старые песни о главном». Здесь мы видим поэтизацию и эстетизацию не слишком давнего советского прошлого, его культуры, утверждение человеческих ценностей ушедшей эпохи. Можно назвать и ряд художественных фильмов. Заметим, что все они обращаются к послевоенной эпохе. Речь идет о живой памяти культуры, о поколении сегодняшних стариков. Сделав резкий рывок «в сторону», прочь от устойчивого и привычного, культура требует уравнивающего обращения к знакомому, освоенному, омытому памятью детства, обращения к «своему»

материалу, эмоциональная ценность которого диктуется вечными законами ее развития.

Философ и культуролог Ю.Лотман говорил, что большие объемы инокультурного материала осваиваются порциями. Этапы открытости общества сменяются этапами сравнительной закрытости. Последние особенно важны, ибо тогда-то и происходит процесс освоения заимствованного, переструктурирования социокультурного целого. Только полностью освоив предшествующее, культура открывается для новых заимствований. Отсюда цикличность этапов открытия/закрытия. В противном случае культура и общество могут просто рассыпаться.

Такие циклы запускаются существующим в культуре эмоциональным «маятником», в соответствии с движением которого общественные настроения и вкусы колеблются от безграничной открытости качественно иному (на фоне резкого падения интереса к «своим» реалиям и ценностям) к закрытости культурного пространства, активизирующей ностальгические эмоции и почвеннические установки. Изменения общественных предпочтений ведут к активизации соответствующих идеологических течений и рано или поздно переходят на политический уровень.

Сейчас мы переживаем фазу «закрывания» культуры. В формировании нового общественного климата активно участвует административная и политическая элита, заинтересованные в смене цивилизационных ориентиров социальные группы и политические институты, ангажированные средства массовой коммуникации. Сложно ответить на вопрос, кто запустил данный процесс. Но в любом случае налицо изменение массовых настроений. Политическая эволюция совпадает со смещением вектора общественных ориентаций.

Причины этого многообразны. Прежде всего, отвернуться от Запада заставляют разочарование и горечь несбывшихся ожиданий. Вспомним об эсхатологизме традиционного сознания. Антикommунитарная инверсия носила мифологический характер. От рынка и демократии ждали чудесного преображения общества, которого не произошло и произойти не могло. Отход от традиционного мира, поворот к Западу принесли социальное расслоение, жестокую реальность, крах позднесоветской богадельни, в которой каждому работающему был гарантирован скромный достаток вне зависимости от результатов его труда. Появились безработица, депрессивные регионы, безудержная коррупция и т.д.

Одним из переломных моментов был дефолт. Перегрев экономики, жизнь значительной части общества не по средствам, растущий средний класс в стране, где падало производство, доходы, несоизмерные с объемом добавленной стоимости, – все это порождало неоправданные ожидания, а обернулось резким падением жизненного уровня.

Другим источником разочарования в Западе стали коллизии, связанные с изменением статуса российского государства, его места в мировом сообществе. Смена роли сверхдержавы на новую, четкого определения которой пока не найдено, кризис государственности, многочисленные проблемы в экономике задали кризисное самоощущение. За всем этим просматривается некая вина Запада, который воспользовался слабостью России. Подобные соображения актуализируют необычайно устойчивые антизападные рефлексy и настроения, восходящие едва ли не к эпохе Александра Невского. Далее, косовский конфликт показал, что западные представления о правах человека вступают в противоречие с идеей государственного суверенитета, как ее понимает большинство россиян. В Косово многие усмотрели опасный прецедент и прямую угрозу России.

Суммируем. Мифология счастливого Запада утратила «кредит доверия». Оказалось, что Запад – это не молочные реки и кисельные берега, что союз с ним не сказочное безоблачное братство, а жесткая реальность. Жизнь по западным нормам предъявляет требования, которые не нравятся, и нормы, следовать которым не хочется. Отсюда новый для постсоветского общества акцент на особенности России, всплеск интереса к идеям евразийства, актуализация рефлексов противостояния. Можно говорить об инверсии, которая, впрочем, явно не полная и не охватывает всего общества.

Акцент на самоидентичности, различиях, пересмотр образа Запада выстраиваются в процесс корректировки общественных настроений. Описываемые изменения эксплицируются на уровне массовой культуры. Так, в жанре эстрадной драматургии появились юмористы, рисующие американцев как жизнерадостных идиотов. Эти скетчи исполняются под одобрительный смех зала.

Надо сказать, что рядом с деятелями литературы и искусства существует буквально раскаленный, в высшей степени пассионарный слой индоктринированных антизападников, мечущих громы и молнии в «мировую закулису» и разоблачающих происки атлантистов. Аудитория этого крайнего политического лагеря сравнительно невелика, но идеи и настроения, генерируемые идеологами самоизоляции и активного противостояния, распространяются во внешнюю среду.

Если попытаться охарактеризовать позицию общества относительно оси Запад – Восток, то она описывается парадоксальным определением «платоническое антизападничество». Западу предъявляются претензии и выдвигаются обвинения; высказывается даже идея о необходимости противостоять ему. Но при этом демонстрируется абсолютная неготовность расстаться с каким-либо из существующих с западным миром отношений.

Антизападные настроения массового человека исчезнут. Они неожиданным для многих образом трансформируются в острое недо-

вольство политикой власти при любых попытках перехода к изоляционизму, не говоря уже о прямом противостоянии, ибо эти настроения не предполагают готовности лишиться чего-либо из достижений последнего десятилетия (образ жизни, информационная и личностная свобода, товары, вовлеченность в мировой контекст и т.д.). Сколь угодно адекватная оценка удельного веса всплеска эмоций подобного рода возможна лишь в контексте динамики образа жизни, моделей престижного присвоения, изменений базовых ориентиров. Сегодня же антизападник работает в консалтинговой фирме, планирует поменять «жигуленок» на подержанный БМВ и предается политическим эмоциям в промежутке между просмотром двух американских фильмов на экране своего «Панасоника».

В нашей стране идет нормальный процесс коррекции представлений о Западе, а, значит, и о самой России. Изживая мифы, уточняя акценты, корректируя представления о евроатлантической цивилизации, российское общество ставит перед собой вечные вопросы – о смысле человеческого бытия и предназначении человека, о логике всемирно-исторического процесса, о специфике России, ее границах и национальных интересах, месте в прошлом, настоящем и будущем человечества. От того, насколько глубокими и рациональными будут ответы на эти вопросы, зависит наше будущее.